

Официальное заявление

Я назначил дату. 18 августа 2000 года, день моего рождения, должен был стать и днем моего преображения. Жан-путешественник оставит дома «коммерсанта Беливо» с тем, чтобы покорить мир — или же быть покоренным непомерной тяжестью мира. Время покажет.. Я хорошо подготовился к предстоящим испытаниям: прошел медицинские обследования, сделал необходимые прививки, даже обзавелся ортопедическими стельками — ведь я с ужасом обнаружил, что страдаю плоскостопием! Все карты были готовы, решимости мне было не занимать. Оставалось преодолеть самый болезненный этап: сообщить о своем плане Люси и моей семье. Я знал, что не отступлюсь, с какой бы реакцией ни столкнулся, но по мере приближения заветного дня этот вопрос все более угрожающе зависал надо мной, как дамоклов меч. И тогда я решил предупредить всех в самый последний момент, опасаясь, что контраргументы дорогих людей запросто разрушат мою мечту. Нельзя было оставить им ни минуты времени сделать это! Кстати, Люси однажды сказала: «Если у тебя есть какое-то заветное желание, держи его в тайне, чтобы оно не разрушилось в самый неподходящий момент».

Утром 23 июля, за четыре недели до старта, я, как обычно, натягивал спортивный костюм, слушая, как моя любимая накрывает стол для завтрака. Люси провела ночь в жестокой бессоннице, поэтому была вся на нервах и в напряжении. Мне почему-то показалось, что откладывать на сколько-нибудь еще наш *очень важный разговор* нельзя и тянуть время дальше так же сложно, как вручную раздвигать стены.

— Что-то не так? — обернулась ко мне Люси.

— Мне надо кое-что тебе сказать!

Мой драматичный тон сразу заставил ее собраться.

— Люси, я решил покончить с такой жизнью, — произнес я и в подтверждение сказанного нарисовал в воздухе петлю*.

После такого жеста в комнате повисла леденящая тишина, и я внезапно понял, что сейчас Люси подумает: я собрался удавиться! Все заранее заготовленные фразы тотчас вылетели у меня из головы, и дальнейшее я выпалил на одном дыхании:

— Я пойду пешком вокруг света... Лет на двенадцать... Вот для чего я тренировался, Люси... Устрою себе такую пробежку...

— Как же ты собрался выживать?

— Буду проситься на ночлег к кому-нибудь, добрых людей полно... Буду просить милостыню. Знаешь, я тут подыскал себе колясочку — упакую в нее свои вещи...

Моя милая Люси! Такая цельная, и при этом вся как на ладони. В длинных паузах, которые будто знаками препинания размечали наш лихорадочный и слегка безумный диалог, я видел в ее глазах всю радугу человеческих эмоций. Ее вопросы были такими прямыми, в них было столько отчаяния... Временами казалось, будто она, чтобы не свалиться в ужасную пропасть, пытается уцепиться за обои на стене комнаты.

— Ты будешь возвращаться домой хотя бы иногда?

— Нет! Идея в том, чтобы я ушел и вернулся только тогда, когда пройду весь маршрут. Это будет лет через десять... Но ты, ты-то можешь приезжать со мной повидаться!

— Ты хочешь расстаться со мной?

— Ну что ты? Конечно же, нет! Я люблю тебя и больше всего на свете хочу продолжать быть вместе. Но сейчас мне необходимо уйти. Если тебе нужна свобода — я пойму. Решать тебе.

Именно сейчас, в эти несколько секунд, будут сыграны все ставки. Я вслепую сделал шаг в неизвестность. Могу вот-вот грохнуться в пропасть... Как вдруг, незаметно для самого себя, я ощутил твердую почву под ногами. Спустился минуту, которая показалась мне вечностью, она подняла на меня глаза.

---

* По-французски эта фраза звучит дословно как *boucler la boucle* — «замкнуть петлю». Этим и объясняется жест Жана.

— Ладно. Давай попробуем.

Мы бросились друг другу в объятия, и уже совсем скоро погрузились в детали моего плана. Я поделился с Люси своими записями, картами, планами, предварительными расчетами маршрутов. И вдруг она воскликнула: «Ты должен сделать это во имя мира во всем мире!» Моя дорогая Люси, мой великий миротворец! А я ведь думал только о том, чтобы сбежать из дома куда глаза глядят.. Она же придумала моему побегу разумное объяснение.

Мой сын Томас-Эрик обнаружил нас — с зареванными лицами, красными глазами, всклокоченными волосами — разгоряченными и размахивающими руками над географическими картами, которые были хаотично разбросаны по столу между кофейными чашками. Я отчетливо помню то мгновение, когда в дверном проеме показался его силуэт, напоминавший о присущей всем двадцатилетним расхлябанности. Через плечо небрежно перекинуты ролики, связанные между собой шнурками.

— Вот, ухажу пешком в кругосветное путешествие. 18 августа выйду из дома, — я решил не пускаться в особенно сложные пояснения.

Сын звонко рассмеялся — так журчит весенний ручеек, — и этот звук принес моему сердцу желанное облегчение. Томас нашел только одно слово в ответ:

— Кру-у-у-го-о-о-о!

Каким бы невероятным это ни показалось, но к походу я подготовил только свое тело, на безупречную работу которого очень рассчитывал. И больше ни-че-го! Последующие три недели вплоть до самого старта превратились в круговерть нерешенных оргвопросов! Скромная зарплата Люси не позволила бы ей поддерживать меня, так что первым делом нужно было решить вопрос денег. После увольнения на моих счетах оставалось не очень много сбережений — порядка четырех тысяч долларов.. Нужно было распределить их так, чтобы хватило на всю кругосветку. В тележку, которой я обзавелся — в сущности, простую трехколесную детскую коляску, — надо было впихнуть самое необходимое: спальник, консервный нож, кое-какую одежду и аптечку. Я даже не потрудился проверить свою палатку, купленную всего за пару дней до начала путешествия. А зачем нагружать себя плиткой? Не такой уж я гурман — обойдусь холодными консервами! Кроме того, полагал я, в дороге ко мне придет все, в чем буду нуждаться. А для того, чтобы обойти земной шар, не так уж много нужно: резиновые заплатки для колес, карманный фонарик... Пара ног, три колеса, решимость и, конечно, любовь.

Запомните, пожалуйста, то, что я вам сейчас скажу: без любви я бы никогда не смог проделать этот путь.

В день отъезда сердце переполнялось чувствами. Я вспоминаю до сих пор, как мой отец с улыбкой воскликнул:

— Я бы и сам не прочь проделать нечто эдакое! Дерзай, сынок!

Мама буквально повисла у меня на шее и со слезами твердила:

— Ну конечно же, ты должен идти, должен, должен!

А моя дочь Элиза-Джейн, которая была уже на третьем месяце беременности, с улыбкой произнесла:

— Беги, Форрест, беги!*

В девять часов утра 18 августа 2000 года на углу улиц Вольф и Святой Екатерины, прямо под веселенькими гирляндами, украшавшими фасады этого уголка Гей-Виллидж, вокруг моей колясочки неспешно прохаживались около десятка моих знакомых. Люси, почему-то убежденная, что мое предстоящее приключение должно произвести неизгладимое впечатление на СМИ и спровоцировать по всей стране небывалый подъем общественного мнения, на восемь утра пригласила прессу. Но ни один журналист так и не явился. Изо всех сил выдавливая улыбку, мой отец энергично протянул мне синий пакетик. «Потом посмотришь», — добавил он. Элиза-Джейн плакала, Люси хранила молчание. Мы обнимались долго. Крепко. И я ушел.

Добравшись до середины моста, я заглянул в синий пакетик. Внутри лежала пачка банкнот — пятьсот долларов! — и упаковка сырных крошек**. Моих любимых...

---

* Цитата из фильма «Форрест Гамп», где герой Тома Хэнкса тоже устроил себе пробежку по территории США.

** Рубленный кусочками сыр, в США называется cheese curds, а французы именуют его fromage en grains.